

Научная статья

УДК 930

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-152-161

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ИСТОРИКО-НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА 1941–1945 ГОДОВ

Артём Михайлович Скворцов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, artyom-skvorcov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3287-4154

Аннотация. Анализуются комплексы архивных документов, относящиеся к защитами кандидатских диссертаций Г. И. Иодко («Колонизация и немецкое право в силезской деревне в XIII–XIV вв.», диспут 14 июня 1941 г.), Б. М. Руколь («Ян Гус в историографии», диспут 27 июля 1943 г.), Н. А. Мохова («Видукинд как источник по истории славян», диспут 30 октября 1945 г.). Диспуты рассматриваются в двух контекстах: возрождения славяноведения в СССР и особенностей диссертационной культуры военного времени. Автор статьи приходит к выводу, что в условиях обострения геополитической ситуации и военной конфронтации поднимаемые вопросы средневековой истории славян политизировались. Полученные выводы носили патриотический характер, призваны были усилить чувство гордости за славянские народы, продемонстрировать превосходные боевые качества предков и их самоотверженность в борьбе. Диссертации были насыщены прямыми недвусмысленными аналогиями с современностью и имели ярко выраженную дидактическую направленность. Аннотации, тезисы и тексты самих квалификационных сочинений изобиловали эмоциональными выражениями, которые порой подменяли строгий анализ источников и заслоняли недостатки исследований. Большое внимание авторов диссертаций к историографии вопроса обусловлено не только научными требованиями, но и желанием противопоставить советскую науку буржуазной и показать необъективность последней, тем самым доказать превосходство и значимость для мировой историографии штудий историков СССР.

Ключевые слова: советская историческая наука, диссертация, учёная степень, диспут, славяноведение, Ленинградский государственный университет

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки учёных».

Для цитирования: Скворцов А. М. Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941–1945 годов // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 152–161.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-152-161

Original article

REVIVAL OF RUSSIAN SLAVIC STUDIES AND DISSERTATION CULTURE OF THE SOVIET HISTORICAL AND SCIENTIFIC COMMUNITY IN 1941–1945

Artyom M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, artyom-skvorcov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3287-4154

Abstract. The article analyzes the collections of archival documents related to the defenses of the PhD theses of G. I. Iodko (“Colonization and German law in the Silesian village in the 13th — 14th centuries”, debate on June 14, 1941), B. M. Rukol (“Jan Hus in historiography”, July 27, 1943), N. A. Mokhov (“Vidukind as a source on the history of the Slavs”, October 30, 1945). The debates are examined in two contexts: the revival of Slavic studies in the USSR and the peculiarities of wartime dissertation culture. The author of the article comes to the conclusion that in the conditions of escalating geopolitical situation and military confrontation the raised questions of the Medieval

history of the Slavs were politicized. The results were patriotic in nature, intended to strengthen the sense of pride for the Slavs, to demonstrate the superior fighting qualities of the ancestors and their selflessness in the struggle. The dissertations were saturated with direct unambiguous analogies to modernity and had a pronounced didactic orientation. Abstracts and texts of the very qualifying essays were full of emotional expressions that sometimes substituted for rigorous source analysis and obscured research shortcomings. The great attention in the dissertations to the historiography of the issue is caused not only by scientific requirements but also the desire to oppose Soviet science to bourgeois science and to show the bias of the latter, thus proving the superiority and importance for the world historiography of Soviet historical science.

Keywords: Soviet historical science, dissertation, scientific degree, dispute, Slavic studies, Leningrad State University

Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00557 “Dissertation culture of the scientific community of Soviet historians of the 1920s-1950s: adaptation of pre-revolutionary experience and the search for a new model of training scientists”.

For citation: Skvortsov AM. The Revival of Russian Slavic Studies and the Dissertation Culture of the Soviet Historical and Scientific Community 1941–1945. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):152-161. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-152-161

Проблема возрождения славянских исследований в отечественной исторической науке уже становилась предметом внимания. М. Ю. Досталь выделила целый комплекс геополитических, идеологических, научных причин этому процессу [Досталь, 2009, с. 38]. По её справедливому замечанию, именно в годы Великой Отечественной войны историко-славистические исследования приобрели особую актуальность, служа основой в борьбе с фашистской фальсификацией истории: приоритетными темами стали вопросы этногенеза славян, возникновения у них государственности, взаимоотношения славян и Византии и т. п. Но Досталь сосредоточилась в основном на институциональных вопросах, что вполне естественно в условиях отсутствия подобных монографий в данной отрасли исторической науки. В настоящей статье предпринята попытка посмотреть на историю возрождения славяноведения в России через призму диссертационной культуры.

Определённым знаком этого возрождения является защищённая в Ленинграде за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, 14 июня 1941 г., Георгием Ивановичем Иодко диссертация «Колонизация и немецкое право в силезской деревне в XIII–XIV вв.». На диспуте научный руководитель соискателя и заведующий кафедрой истории Средних веков О. Л. Вайнштейн отметил актуальность исследования в связи с постановкой вопроса о создании кафедры славяноведения¹. Оппонент М. В. Джервис после

критики некоторых положений заявил о поучительности ошибок Иодко, доказывающих, что подготовка славяноведческих кадров немислима вне учреждения в стенах университета славяноведческих кафедр на историческом и филологическом факультетах².

Родился Г. И. Иодко в крестьянской семье, в 1933 г. поступил на исторический факультет ЛИФЛИ, но перевёлся в ЛГУ в 1936 г., который и окончил в 1938 г. по кафедре истории Средних веков. Специального образования в области славистики он не получил, однако знал хорошо основные европейские языки — французский, немецкий, английский; славянские — чешский, сербский, польский, болгарский³, а также прослушал специальные курсы по источниковедению истории Средних веков, историографии истории Средних веков, исторической географии Средних веков, латинской палеографии, участвовал в спецсеминарах по истории английской революции и истории Франции⁴. Заметим, что в это время кафедра истории Средних веков стала действительно сосредоточием лучших медиевистических сил Ленинграда. Кроме упомянутого О. Л. Вайнштейна на ней преподавали В. Н. Бенешевич, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, М. А. Гуковский, А. Е. Кудрявцев и др. И Гревс, и Добиаш-Рождественская, которые вели занятия у аспирантов, убеждены были в необходимости развития у молодых учёных

¹ Дело о защите кандидатской диссертации Г. И. Иодко // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1517. Л. 63.

² Дело о защите кандидатской диссертации Г. И. Иодко // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1517. Л. 27.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 5 об.

именно источниковедческих навыков, поэтому проводили занятия по чтению и критике оригинальных источников, в том числе и рукописных, а также учили работать с научной литературой [Лебедева, Якубский, 2008, с. 21–64; Скворцов, 2023, с. 20].

Перед защитой диссертации, как правило, соискателем и научным руководителем подготавливались и печатались в типографии тезисы. Это краткое пронумерованное (что, вероятно, должно было нацеливать на лаконичность формулировок) изложение основных положений проведённого исследования является важным источником по истории науки, поскольку позволяет выявить определённую стратегию представления диссертации широкой публике. Важно заметить, что диссертации в то время защищались на учёных советах факультетов, членами которых были профессора по разным историческим специализациям (по медиэвистике только один — Вайнштейн), но имевшие представления о ключевых параметрах успешной аспирантской работы. Кроме того, на заседаниях присутствовали: секретарь парткома, председатель профсоюзной организации и в целом разнообразная публика. Перед научным руководителем и оппонентами Иодко, по всей видимости, стояла также задача обоснования создания новой кафедры истории славянских народов в университете, поэтому небезынтересно в этом контексте проследить схему построения тезисов и обратить внимание на их содержание. Заметим, что тезисы были размножены в количестве 130 экземпляров. Широкая общественность при заинтересованности исследованием обратит внимание, скорее, именно на тезисы, а не на саму «книгу», как тогда часто называли диссертацию, поэтому и основные положения должны быть выверены с разных позиций: не только с научной, но и с политико-идеологической.

Первые три тезиса выявляют историографический контекст представляемой работы¹. Иодко выступает резко против господствующего в Германии стремления преувеличить роль немецкого этнического элемента в хозяйственном развитии Силезии XIII–XIV вв., представив Священную Римскую империю выполняющей «культуртрегерскую миссию» по отношению к «отсталым» славянским народам. Критикует он и националистические мотивы польской науки. Над этими двумя крайними тенденциями в изображении со-

¹ Мы пользовались тезисами, содержащимися в архивном деле Г. И. Иодко: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1517. Л. 16–17.

искателя возвышается «советская славистика», которая, с одной стороны, продолжает традиции русского славяноведения, а с другой — опровергает ложные представления «буржуазных» историков. Употребление в контексте изложения идей зарубежной науки таких неподходящих для научной полемики слов и выражений, как «порок», «промах», «неправильные воззрения», позволяет Иодко не только критиковать тезисы немецкой и польской наук, но и, объявляя политизированными и необъективными, лишать их научного статуса. Образовавшуюся вследствие этого научную лакуну способна заполнить, следуя логике диссертанта, лишь советская наука, свободная от шовинистической и националистической окраски. М. В. Джервис в качестве достоинства работы выделил её полемическую заострённость и отличное использование автором «оружия историографической критики», «овладение которым является одним из предуказанных советским законом условий кандидатской диссертационной работы»².

В контексте начавшейся Второй мировой войны, захвата нацистскими войсками Силезии, выдвигаемые Иодко тезисы политически заострены и опровергают всяческие исторические притязания Третьего рейха на земли в долине Одера. Соискатель доказывает, что приток немецких колонистов на эти территории в XIII–XIV вв. ограничивался монастырскими владениями, не имел массового характера и не являлся следствием монголо-татарского нашествия. По мнению диссертанта, онемечивание топонимастики в исследуемое время не есть признак изменений этнического состава Силезии, а только следствие «культурно-политической германизации страны», что проявилось в онемечивании «господствующего класса», городов, монастырей, церкви, но не основного крестьянского населения. Распространение немецкого права, как утверждает Иодко, не может считаться «адекватным признаком» немецкой колонизации, а лишь проявлением классовой борьбы: оно упрощало эксплуатацию силезского крестьянства, но вместе с этим способствовало развитию производительных сил страны (распашке неосвоенных земель) и проникновению денежных отношений. Соискатель, таким образом, рассмотрел распространение в Силезии немецкого права в контексте экономического развития региона и классовой борьбы, подчеркнув эксплуататорский характер пришед-

² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1517. Л. 23.

ших на славянские территории сил. Он называл ошибочным отождествление дарений деревням немецкого права с основанием деревень немецкими колонистами.

Оппоненты в своей критике сосредоточивают внимание не на политически заострённых тезисах, с которыми полностью соглашались, а на научных вопросах, дискуссионность которых широкой публике как раз мало была понятна, но неоднозначность трактовок источников позволяла соискателю подобрать аргументы в свою защиту. Так, Джервис считал недоказуемым мнение о монастырском характере немецкой колонизации, говорил об односторонности тезиса о росте именно церковного землевладения в XIII–XIV вв. и игнорировании землевладения светских баронов, наконец, выступал против характеристики Польши в развитие Средневековья как единого государства¹. Второй оппонент Н. С. Державин, который являлся филологом-славистом, долго доказывал необходимость расширения хронологических рамок при постановке объявленного соискателем вопроса и исследовании немецко-польского взаимодействия в раннее Средневековье².

В итоге защита Г. И. Иодко прошла успешно, и он был взят в штатные преподаватели созданной в августе 1941 г. кафедры истории славянских народов, но началась Великая Отечественная война, и кафедра, вероятно, так и не открылась³, а весной 1942 г. Иодко погиб на фронте.

В период войны усилилось идеологическое противостояние, и славяноведческие штудии получили новый импульс. Об этом свидетельствует ряд документов, в том числе недавно опубликованная докладная записка Н. С. Державина от 17 марта 1942 г. в Президиум АН СССР, где содержались три проекта институционального оформления славяноведения в Советском Союзе: создание Академии славяноведения / Института славяноведения АН СССР / Славянская комиссия при Президиуме АН СССР⁴. Президиум принял

¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1517. Л. 25 об.–27.

² Там же. Л. 29–37.

³ Никаких сведений о деятельности этой кафедры нет. Известно лишь, что с 1943 г. на историческом факультете ЛГУ стал читаться самостоятельный курс по истории южных и западных славян. См.: Аржакова Л. М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: очерк истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 267.

⁴ «Идя навстречу назревшей потребности укрепления культурных связей со славянскими

решение о воплощении в жизнь второго предложения, но в военный период поручил создать временно Славянскую комиссию. Державин обосновывал свою идею сложившимся *de facto* в борьбе с немецкими войсками культурно-национальным и политическим объединением славянских народов, что требует, по его мнению, налаживания и укрепления культурных связей славян путём создания центра славяноведения⁵. Новому учреждению необходимы были и высококвалифицированные кадры. По второму проекту предполагалось набрать в штат 30 старших и 10 младших научных сотрудников⁶. Поэтому и вопросы защит диссертаций в данной области знаний актуализировались. Всего за годы войны, по подсчётам Л. И. Бородкина и Г. Д. Бурдея, учёную степень за исследования в области славяноведения получили восемь человек, или 3,6 % от общего количества соискателей по историческим наукам (220 человек). Цифра невелика, но если сравнивать с предшествующим десятилетием, то она свидетельствует о новом этапе в развитии этой дисциплины [Бородкин, Бурдей, 1993, с. 119–120], а точнее — её возрождении.

Одной из защитившихся в 1943 г. была и Бася Менделевна Руколь с темой «Ян Гус в историографии». Будущим поколениям выпускников кафедры истории южных и западных славян МГУ она запомнилась «в образе пожилой школьной учительницы, из года в год повторяющей размеренный по минутам школьный урок истории». Так, по словам К. Г. Левыкина, «если Ирина Михайловна Белявская [специалист по истории Польши, преподаватель той же кафедры. — А. С.] на своих лекциях заставляла нашу мысль постоянно работать, то Бася Менделевна рассказывала свой материал ровным, спокойным, назидательным учительским голосом навсегда запомнившийся ей урок. Она не заглядывала при этом в какие-либо тексты или конспекты, а смотрела на нас своими спокойными, большими и грустными глазами, как бы втолковывая нам свои рассказы о событиях, их датах, об исторических деятелях и народных движениях, о войнах и государственно-политических устройствах и т. д. и т. п. Всё это у неё было разложено по урокам в привычной и стабильной для неё последовательности

народами...»: докладная записка Н. С. Державина. 1942 г. / публ. В. Г. Бухерта // Исторический архив. 2023. № 2. С. 17–22.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 21.

и излагалось по-учительски назидательно»¹. Выделенные в мемуарах черты Руколь как педагога объясняются некоторыми фактами из её биографии. В 1933–1937 гг. она училась на историческом факультете в Московском городском педагогическом институте, по окончании которого поступила в аспирантуру по кафедре истории Средних веков МГУ, избрав темой диссертации проблематику гусизма. Её научными руководителями были: специалист по средневековому городу В. В. Стоклицкая-Герешкович и известный чехословацкий историк и политик З. Неедлы, тайно выехавший в 1939 г. из своей страны через Польшу в СССР и ставший доцентом МГУ. Именно Неедлы, характеризовавший гусизм как классовую борьбу крестьян и горожан против церкви и светских феодалов, как предтечу социалистических преобразований и коммунистических идей, инициировал многие мероприятия, способствовавшие разработке этой темы в университете: в 1939 г. решено было подготовить сборник по истории гуситского движения, тогда же введена была специализация по истории Чехословакии, осуществлён перевод источников, например, «Хроники Лаврентия из Бржезовой». В годы войны Неедлы вёл активную агитационную и пропагандистскую работу, выступая в печати, на радио и с публичными лекциями, рассказывая о военном искусстве таборитов и чешских героях [Руколь, 1984, с. 214–216]. Личность средневекового проповедника Яна Гуса актуализировалась в связи с началом борьбы Чехословакии за освобождение от немецких захватчиков и стала своего рода символом этой борьбы, олицетворением национальной идеи.

По итогам обучения в аспирантуре Руколь подготовила статьи лишь обзорного популярного характера, вышедшие в разных частях «Книги для чтения по истории Средних веков» под редакцией С. Д. Сказкина: «Как учились в средневековых университетах», «Ян Жижка», «Томас Мюнцер». После начала войны Руколь была эвакуирована в Саратов, где стала воспитателем ремесленного училища, а с 1943 г. преподавала историю Средних веков в Саратовском педагогическом институте.

Изначальные планы по написанию диссертации о Яне Гусе Руколь пришлось отложить: первоисточники оказались недоступны. Для работы был взят новый историографический ракурс. Соискатель поставила цель выявить причину большого интереса к личности Яна Гуса в историче-

ских публикациях и объяснить появление разных точек зрения на значение его деятельности², для чего она выбрала довольно широкие хронологические рамки, начиная с авторов-современников Яна Гуса и заканчивая XX веком.

Руколь под влиянием сложившегося в 1930-е гг. представления о предмете историографии как одной из форм идеологической борьбы и разоблачения идейных противников [Груздинская, 2020, с. 79–80], а также в связи с «политическим моментом» довольно упрощённо характеризует литературу о Яне Гусе. По её мнению, уже в XV в. обозначились две основные линии отношения к реформатору. Одна происходит от Петра Младеновица, прогрессивного писателя, другая — от реакционера Ульриха Рихенталя. Все изученные публикации соискатель классифицирует по идейной принадлежности, относя их к реакционным или прогрессистским. Руколь не просто излагает точки зрения авторов, но погружает в контекст общественно-политического и идейного развития Европы, хотя, надо признать, этот контекст восстанавливает весьма схематично. Диссертант заявляет о стремлении дать оценку труда по существу, вскрыть неточности, тенденциозные искажения фактов, влияние традиции, «конфессиональных предрассудков» и т. д. Приведём несколько положений из рассматриваемого исследования. Первой вехой интереса к Гусу, по мнению Руколь, стал период немецкой Реформации XVI в., когда Мюнцер и Лютер издали письма и произведения чешского проповедника, что, как заявляет соискатель, свидетельствует о близости «революционных чешских идей социальному движению Германии XVI столетия»; далее, со времён Тридцатилетней войны намечается реакция и критическое отношение к Гусу; затем, во второй половине XVIII в. в связи с экономическим подъёмом в годы правления Марии Терезии и Иосифа II создаётся благоприятная обстановка для чешского Возрождения, когда были восприняты и развиты идеи учёных-протестантов, что нашло отражение в народных песнях, преданиях, поэзии и литературе о Гусе; после же революции 1848 г. в Чехии наступила «реакция», которая проявилась в концепции консерватора-историка В. Томека, «верного слуги австрийского правительства», сводившего всю сущность Реформации к борьбе за преобразование церкви, но не за национальную независимость³ и т. д.

² Дело о защите диссертации Б. М. Руколь // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1712. Л. 60.

³ Там же. Л. 63–67.

В итоге проведённая Руколь работа по изложению и ранжированию взглядов историков и общественных деятелей на Яна Гуса страдала недостаточной аналитичностью. Диссертант зачастую лишь пересказывала мысли историков и вставляла большие цитаты из изученных трудов. Это отмечали и оппоненты: О. Л. Вайнштейн и М. А. Гуковский. Первый из них подчеркнул, что представленная на защиту работа не является исследованием в строгом смысле слова, а только историографическим обзором, по сути собранием кратких аннотаций¹. Второй оппонент охарактеризовал сочинение Руколь как большое историографическое введение, потому что она не восстановила образ Гуса в каждой книжке, а лишь разделила авторов по классовой принадлежности. Гуковский прямо говорил, что качество работы низкое и «это тем более досадно, что в противоположность к значительной части диссертаций, представляемых к защите в последние месяцы, рецензируемая работа отнюдь не страдает от отсутствия исходных материалов-первоисточников»². В данном диссертационном исследовании выявляется довольно упрощённое отношение к предмету историографии, восприятие этой научной дисциплины как вспомогательной. Сама Руколь заявляла о справочном характере получившейся «книжки», призванной стать определённым подспорьем в будущем изучении чешской Реформации и помогающей сориентироваться во всём многообразии литературы³. Скромно позиционируя свои научные заслуги, автор стремится выдвинуть на первый план в обосновании актуальности практическую значимость историографического изучения личности Гуса, но главное — важность «политического момента». Составленная аннотация к диссертации — документ, который с большей степенью вероятности прочтут все члены учёного совета, в отличие от самой диссертации, — заканчивается словами: «Историографической работы на эту тему нет ни в иностранной, ни в русской литературе, а потребность в ней есть, так как интерес к чешской Реформации и её вождю всегда был велик и особенно возрос в дни Великой Отечественной войны, когда мужественный чешский народ рука об руку со своим старшим братом русским народом и другими славянскими народами ведёт ожесточённую борьбу с немецкими захватчиками

¹ Дело о защите диссертации Б. М. Руколь // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1712. Л. 19.

² Там же. Л. 26–27.

³ Там же. Л. 61.

на советско-германском фронте и в угнетённой, истерзанной, но не покорённой Чехословакии»³.

Историографический характер представленной диссертации позволял оппонентам в отзывах выйти на вопросы определения предметного поля этой дисциплины. Этот вопрос был не праздный и требовал отдельного внимания. Узкий взгляд на историографию как на идеологическую дисциплину стал претерпевать изменения в связи с появлением обобщающих работ в этой области ещё до войны. В 1940 г. Н. Л. Рубинштейн защитил докторскую диссертацию «Развитие русской исторической науки», а затем в 1941 г. на её материалах опубликовал книгу «Русская историография». В 1940 же году вышел учебник О. Л. Вайнштейна «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней», который был защищён в качестве докторской диссертации за год до начала войны. В нём предмет историографии изложен следующим образом: «развитие исторической науки, выражающееся в закономерной смене исторических школ, направлений и всей системы исторических представлений, а также влияние исторической науки на выработку важнейших общественных идей»⁴. Вайнштейн настаивал, что не следует понимать работу историографа упрощённо как составление перечня авторов и их книг. Сама эта дисциплина может и должна претендовать на научный статус, поскольку историографический процесс представляет собой последовательное закономерное образование и смену научных школ и направлений, напрямую зависит от существующих в тот или иной период идеологических концепций, которые в свою очередь возникают в определённой исторической обстановке, характеризующейся состоянием производительных сил⁵.

Анализируя диссертацию Руколь, Вайнштейн в качестве достоинства работы отметил именно попытку связать идеи историков с общественно-политическим контекстом (социальным, политическим и идейным) их возникновения, правильность описания которого также оценивал дотошный оппонент. В частности, ему представлялось неточным изложение вопроса о реформе Пражского университета 1409 г. из-за игнорирования международного фона и борьбы за римский престол. Критике подверглось и отсутствие разбора

⁴ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков: в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней. М. ; Л., 1940. С. 7.

⁵ Там же. С. 6.

об отношении папы Григория XII к претенденту на римскую корону Вацлаву. По мнению Вайнштейна, диссертантом неточно даются причины Тридцатилетней войны, в частности упрощённо характеризуются социальные группы этого времени (протестанты изображаются как сторонники децентрализации, а католики — приверженцами сильной центральной власти) и не выявляется положение Чехии в Священной Римской империи до 1648 г.¹ Другими словами, основной критике подверглась не столько историографическая сторона работы Руколь, сколько воссоздание конкретного исторического контекста, причём той эпохи, специалистом в которой был оппонент. Заметим, что этот контекст соискатель выстраивает не по источникам, а с опорой на научную литературу. Так, например, описание состояния Чехии во времена Яна Гуса даётся по переведённой на русский язык книге В. Флайшханса (1916 г.), сведения о немецкой Реформации взяты целиком из публикации о Мюнцере В. М. Проскуракова². Для квалифицированной оценки изложения социально-политического и идейного развития Европы в Новое время был приглашён третий оппонент — А. И. Молок. Тот тоже подчеркнул беглость в ряде случаев изложения мыслей автора (например, Энея Сильвия), перенасыщенность текста цитатами и пересказами, но не увидел искажений в исторических фактах, лишь отметил недостаточную политическую заострённость³.

В итоге представленная диссертация оказалась невысокого уровня. В историографической работе, по Вайнштейну, должно быть чётко определено, «что можно считать твёрдо установленными и прочно вошедшими в науку тезисами, а какие вопросы требуют нового рассмотрения»⁴. Эта экспертная сторона историографического анализа, как считал оппонент, является основной и особенно становится актуальной в пору возрождения славяноведческих штудий: значимость историографии как специальной исторической дисциплины выявляется именно в анализе сильных и слабых сторон работ предшественников с позиции современного исследователя. Но Б. М. Руколь всё же получила искомую степень большинством голосов: из девяти членов учёного совета семь проголосовали «за», двое воздержались⁵. Очевидно, на итоговое решение повлиял и злобо-

дневный характер диссертации (диспут в условиях национально-освободительной борьбы славянских народов), и необходимость подготовки кадров по славистике. Научный уровень представленной работы не являлся определяющим. Конечно, присутствующие не могли не учитывать и условия для жизни и творчества в эвакуации. Все перечисленные факторы в совокупности привели к снижению требований к диссертационному исследованию в военное время, последствия чего проявлялись и после войны. Свидетельство тому выступление Е. А. Косминского в 1946 г. на учёном совете Института истории АН СССР, в котором он констатировал превращение защиты диссертации в пустую формальность. К разлагающим «диссертационную культуру» явлениям относил: ознакомление соискателя с отзывами на квалификационную работу до процедуры защиты, написание отзывов в сжатые сроки и «на скорую руку», фактически отсутствие требования ответа на все поступившие в адрес испытуемого вопросы⁶.

Наконец, обратим внимание ещё на одну диссертацию — «Видукинд как источник по истории славян (из истории славяно-германской борьбы в X в.)», написанную Николаем Андреевичем Моховым. Диспут проходил в октябре 1945 г., но сама работа была подготовлена в военное время. Мохов известен в историографии в основном трудами по истории формирования молдавского народа 1950–1980-х гг. Такой поворот в исследовательской тематике после защиты кандидатской диссертации произошёл вследствие его переезда в Кишинёв. Здесь ему удалось достичь определённых карьерных высот (не в последнюю очередь, думается, благодаря вступлению в ряды ВКП(б)): получить звание члена-корреспондента Молдавской АН, возглавить Институт истории, а также Совет по славяно-молдавским связям.

Мохов получил первую учёную степень уже в довольно зрелом возрасте, в 41 год, и к решению писать научную работу по славяноведению пришёл, по всей видимости, только в военное время, поступив в 1942 г. в аспирантуру. Ещё в 1925 г. он закончил общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук ЛГУ и, если судить, например, по выбранным им семинарам,

¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1712. Л. 20.

² Там же. Л. 26, 28.

³ Там же. Л. 29–32.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 58.

⁶ См.: Сашанов В. В. «Так бывало в прежние времена...»: Е. А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании учёного совета ИИ СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 174–175.

не имел цели научно заниматься средневековой историей. В его свидетельстве об окончании вуза среди сданных дисциплин значатся семинарии по русской истории, истории Интернационалов, истории Франции перед 1789 г., истории ВКП(б), историческому материализму, методике обществоведения, политэкономии, политэкономии повышенного типа¹. После окончания университета Мохов работал в учреждениях культурно-просветительского профиля в качестве руководителя экскурсионного бюро и инструктора культотдела, несколько лет состоял экономистом на промышленном предприятии, а с конца 1930-х гг. преподавал в школе географию и историю². Война застала его в Запорожье, откуда он эвакуировался в Саратов, где сразу стал директором школы, а вскоре, после размещения здесь Ленинградского университета, поступил в аспирантуру.

Выбранная тема, с одной стороны, была характерна для петербургской/ленинградской исторической школы своим источниковедческим ракурсом, хотя и без изучения соответствующих рукописей, а с другой, находилась в тренде идеологических и политических веяний периода Великой Отечественной войны. Автор добросовестно перевёл «Деяния саксов» Видукинда с латинского языка, поместив фрагменты текста, где упоминаются славяне, в приложение к диссертации, и критически проанализировал эти сведения, что вылилось в следующую структуру глав диссертации: 1. Характеристика работы Видукинда как источника; 2. Особенности немецкой историографии о славянах; 3. Отношение Видукинда к славянам; 4. Обзор славяно-германской борьбы на р. Лаббе в X в.; 5. Сведения Видукинда о славянах: а) политический строй; б) военное дело; в) славяно-венгерские отношения; г) восточная политика Оттона I; 6. Типы славянских поселений.

Предложенная автором схема анализа источника позволила поднять ряд историографических проблем, которые в пору написания диссертации имели и большую политическую актуальность. Историки в годы Великой Отечественной войны позиционировали себя в качестве борцов идеологического фронта, опровергающих различного рода фальсификации. Так, Мохов стремится доказать, что «Деяния саксов» Видукинда анализировались немецкими учёными пристрастно с шовинистических позиций, в результате чего возник целый ряд «ложных теорий» по истории славян,

¹ Дело о защите диссертации Н. А. Мохова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2018. Л. 27.

² Там же. Л. 29.

проникших в том числе и в отечественную литературу. В частности, соискатель критикует положение, развиваемое «расистской наукой», об изначальной вражде и ненависти между германцами и славянами и приходит к выводу, что «высокомерно-презрительное отношение германцев к славянам появилось только после XII в., когда полабские славяне были поработаны в результате германской агрессии»³. Тем самым вражда между народами объясняется конкретными политическими событиями и наступательными операциями императоров Священной Римской империи. Но, пытаясь развеять «мифы», утвердившиеся в историографии, с опорой на сведения источника, автор сам создаёт ангажированные концепции, решая актуальные задачи современности, что прослеживается на примере характеристики уклада славян. Мохов приходит к выводу, что Видукинд смотрит на них свысока только потому, что они — язычники, в остальном же «он отдаёт дань их мужеству, упорству в борьбе, любви к свободе, не умаляет достоинств»⁴. Отсюда становится понятным, что «этнос» для диссертанта выступает как определённая историко-культурная общность, обладающая единством не только материальной культуры, но и психологического склада. Такое определение для советской этнографии будет классическим. Качества характера определённого народа выступали как некий изначально заданный код, наследуемый потомками. Прямой прописанной проекции полученных заключений на современные события у Мохова нет, но подспудно славянские народы, населяющие Советский Союз и страны Восточной Европы, позиционировались как обладатели тех же превосходных боевых качеств, позволяющих достойно противостоять врагу, что и средневековые славяне. Мохов приходит к выводу об отсутствии примата в развитии военного дела у Священной Римской империи в X в., утверждая, что якобы саксы не имели рыцарского вооружения: ни копья, ни меча, ни панциря, ни кольчуги, ни шлема, ни щита⁵. Такое заключение позволяет ему искать причины поражения славян в другой сфере — неразумной политике, приведшей к раздробленности⁶.

Диссертация защищалась через несколько месяцев после капитуляции Германии. Ещё не были

³ Дело о защите диссертации Н. А. Мохова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2018. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 7.

изжиты оценки научных работ на основе их соответствия идеологическим задачам историков в условиях военного противостояния. Так, оппонент Л. В. Разумовская, защитившая, кстати, кандидатскую диссертацию по славистике в Ташкенте в 1943 г., всячески поддерживала главные выводы соискателя и в политизации некоторых утверждений пошла даже дальше него, не согласившись с некоторыми тезисами, которые, впрочем, имели второстепенный характер для анализируемой работы. По её мнению, в X в. у прибалтийских славян (Разумовская считает такое название более корректным, чем полабские славяне) не сложилось наследственной княжеской власти и знати как особой социальной группы; у них также не было и рабства¹. Показательна и критика Мохова оппонентом М. А. Гуковским, опытным историком-медиевистом, по словам которого диссертант слишком далеко зашёл в «разоблачении» немецкой историографии и желании доказать, что германцы и славяне находились на одной ступени социального развития, «мало чем отличались друг от друга, одинаково жестоко громили и уничтожали друг друга». Гуковский без отсылки к источникам настаивал на характеристике внешней политики германских правителей как агрессивно-захватнической, а действия славян как оборонительно-патриотические, в противном случае, если следовать рассуждениям Мохова, можно прийти к оправданию «зверства и жестокости германских королей и феодалов на славянских землях». Оппонент заключает, что уже в раннее Средневековье появляются «те гнусные свойства германской военицины, которые проявились с яркостью в деяниях фашизма»².

¹ Дело о защите диссертации Н. А. Мохова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2018. Л. 7–8.

² Там же. Л. 16–16 об.

Лишь один из тезисов Мохова в этом отзыве критикуется с научных позиций. По мнению Гуковского, параграф о военном деле у славян и германцев в X в. «абстрактный и схоластический», так как в нём не используются данные археологии и изобразительные источники, хотя это постулируется³.

Итак, проанализированные диссертации позволяют утверждать, что возрождающееся фактически в условиях Второй мировой и Великой Отечественной войн славяноведение сразу же было включено в жёсткую идеологическую борьбу прежде всего с немецкой историографией, а основные выводы носили в том числе политический характер. Поднимаемые в научных исследованиях вопросы особенно в военное время направлены были на использование исторического материала в обострении патриотических чувств. Рассмотрение истории Средних веков в предлагаемых ракурсах приводило к тому, что эта эпоха, несмотря на её отдалённость по времени, не представлялась чуждой и неактуальной. Диссертации были насыщены прямыми недвусмысленными аналогиями с современностью. Дидактическая составляющая становилась важнейшей в содержании научных работ, а эмоциональные выражения подменяли строгий анализ источника и закрывали недостатки исследований. Большое внимание в представленных в статье диссертациях к историографии вопроса обусловлено не только научными требованиями, но и желанием противопоставить советскую науку буржуазной и показать необъективность выводов последней, тем самым доказать превосходство и значимость для мировой историографии штудий историков СССР.

³ Дело о защите диссертации Н. А. Мохова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2018. Л. 17.

Список литературы

1. Аржакова Л. М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: очерк истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 262–277.
2. Бурдей Г. Д., Бородкин Л. И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг.: источники, проблематика, динамика // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. 24. С. 106–126.
3. Груздинская В. С. Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х — середина 1980-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2020. 281 с.
4. Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла...: отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М. : Индрик, 2009. 463 с.
5. Лебедева Г. Е., Якубский В. А. CATHEDRA MEDII Aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 125 с.
6. Руколь Б. М. Проблемы гуситского движения в трудах и выступлениях Зденека Неедлы в 1941–

1945 гг. // История и историки : историографический сборник. 1980. М. : Наука, 1984. С. 208–219.

7. Сашанов В. В. «Так бывало в прежние времена...»: Е. А. Косминский о порядке защит диссертаций : публикация выступления историка на заседании учёного совета ИИ СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 172–176.

8. Скворцов А. М. Алексей Сергеевич Бартенеv: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–23. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

References

1. Arzhakova LM. Department of History of Slavic and Balkan countries. *Istoricheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1934–2004: ocherk istorii* / ed. A. Yu. Dvornichenko = *Faculty of History of St. Petersburg University. 1934–2004: an essay on history*. Saint Petersburg, 2004. Pp. 262–277. (In Russ.).

2. Burdej GD, Borodkin LI. Civic history dissertation defenses in 1941–1945 (sources, problems, and dynamics). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny = Auxiliary historical disciplines*. 1993;24:106-126. (In Russ.).

3. Dostal' MYu. *Kak Feniks iz pepla...: otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroj mirovoj vojny i pervye poslevoennye gody = Like a Phoenix from the ashes ...: domestic Slavic studies during the Second World War and the first post-war years*. Moscow, Indrik, 2009. 463 p. (In Russ.).

4. Gruzinskaya VS. *Disciplinarnaya istoriya istoriografii v SSSR: vtoraya polovina 1940-h — seredina 1980-h gg. Diss. ... kand. ist. Nauk = Disciplinary history of historiography in the USSR: the second half of the 1940s — mid-1980-X. Thesis*. Omsk, 2020. 281 p. (In Russ.).

5. Lebedeva GE, Yakubsky VA. *CATHEDRA MEDII AEVI: Materialy k istorii leningradskoj medievistiki 1930–1950-h godov = CATHEDRA MEDII AEVI: Materials for the history of Leningrad medieval studies of the 1930s — 1950s*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University; 2008. 125 p. (In Russ.).

6. Rukol' VM. Problems of the Hussite movement in the writings and speeches of Zdenek Needly in 1941–1945. *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij sbornik. 1980 = History and historians. historiographical collection. 1980*. Moscow, Nauka, 1984. Pp. 208–219. (In Russ.).

7. Sashanov VV. “It happened in the old days...”: the historian E. A. Kosminskiy on the procedure of dissertation defense. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii = Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 2016;(2):172-176. (In Russ.).

8. Skvortsov AM. Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture. *Izv. Saratov. un-ta. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Saratov University. History. International Relations*. 2023;23(1):17-23. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

Информация об авторе

А. М. Скворцов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и зарубежных стран.

Information about the author

A. M. Skvortsov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.